

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА И ОТНОШЕНИЯ К МИГРАНТАМ¹

© 2025 г. В. В. Константинов^{1,*}, Ю. С. Бузыкина^{1,**}, Р. В. Осин^{1,***},
Н. Н. Хашенко^{2,****}

¹ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»;
440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии.
E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии.
E-mail: ylamart@yandex.ru

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.
E-mail: osin@pnzgu.ru

****Кандидат психологических наук, научный сотрудник.
E-mail: nadin-khash@yandex.ru

Поступила 27.07.2024

Аннотация. Цель работы — теоретический анализ проблемы социально-психологических факторов интеграционного потенциала принимающего общества и его отношения к мигрантам. В настоящее время в обществе происходят масштабные миграционные процессы, оказывающие существенное влияние на различные сферы социальных отношений. Процесс создания условий для включения мигрантов в российское общество возможен с опорой на анализ социально-психологических факторов его интеграционного потенциала. Уточнено понятие «интеграционный потенциал принимающего общества» как совокупности имеющихся в конкретном социуме ресурсов и условий, направленных на взаимодействие мигрантов и представителей принимающего населения, способствующих процессу адаптации мигрантов, в результате которого на основе общих целей и интересов происходит установление оптимальных связей между ними и социальными группами, необходимых для формирования общества как системной целостности.

Выявлены факторы интеграционного потенциала принимающего общества, включающие аккультурационные ожидания, базовое чувство безопасности, позитивную этническую идентичность, этническую толерантность, реализацию стратегии мультикультурализма.

Ключевые слова: интеграционный потенциал, мигранты, принимающее общество, социальная адаптация, социальная интеграция, аккультурация, аккультурационные ожидания, личностный потенциал, этническая идентичность, чувство безопасности.

DOI: 10.31857/S0205959225020042

ВВЕДЕНИЕ

Изменение традиционных обществ и их культур, обусловленное развитием техногенной цивилизации, приводит к возникновению феномена глобализации,

способствующего масштабным миграционным процессам, как его неотъемлемой составляющей. Становится все более очевидным то, что политическая нестабильность, социальные и экономические факторы продолжают оказывать влияние на глобальные изменения в области миграции [5, с. 3].

На фоне миграционных процессов, оказывающих значительное влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Российской Федерации,

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01367 «Интеграция мигрантов в принимающее сообщество: механизмы, факторы и условия», <https://rscf.ru/project/24-28-01367/>

заметно изменение негативного отношения государства к проблеме миграции населения на осознание позитивного потенциала миграции [2].

Согласно среднему (базовому) прогнозу демографического развития, представленному Федеральной службой государственной статистики (Росстат), численность населения в РФ в 2024–2032 годах будет сокращаться более чем на 400 тыс. человек в год, в том числе естественная убыль населения будет превышать в эти годы 600 тыс. человек в год [4]. Так, согласно официальной статистической информации о социально-экономическом положении России в январе–феврале 2024 г., в целом по стране в январе 2024 г. число умерших превысило число родившихся в 1.8 раза (в январе 2023 г. — в 1.6 раза), в 53 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1.8–3.5 раза [23].

Восполнение людских потерь ради поддержания численности населения страны и недопущения дефицита трудовых ресурсов требует привлечения большого количества трудовых мигрантов. На всем протяжении прогнозного периода 2024–2032 гг. миграционный прирост закладывается в интервале 210–230 тыс. человек в год [4].

Численность постоянного населения России на 1 января 2024 г. составила более 146.1 миллиона человек. По данным Росстата, миграционный прирост в России в целом за 2023 год составил 20 3629 человек. При этом максимальный миграционный прирост приходился на Москву и Московскую область, Краснодарский край, Тюменскую и Ленинградскую области [18].

В связи с прибытием трудовых мигрантов в принимающем государстве усложняется стратификация общества, вследствие чего развиваются процессы социально-политической трансформации, особенно ярко проявившие себя в 2015 году в ходе миграционного кризиса в Европейском союзе вследствие дестабилизации стран Ближнего Востока, Южной Азии и Северной Африки [5, с. 3–4].

Захлестнувшая Европу и ставшая неуправляемой волна мигрантов обозначила неэффективность созданной европейскими институтами системы мер контроля и регулирования миграционных потоков. Получая блага от европейцев, мигранты и беженцы из отсталых и бедных стран, стремились к установлению в европейских городах своих культурно-национальных укладов, при этом отторгая европейские ценности [7].

Многие европейцы боятся, что у мусульман существует “план” внедрения своих религиозных устоев и обычаев на государственном и европейском уровнях. Из-за этого с середины 2000-х годов ряд повторяющихся конфликтов, связанных с некоторыми

исламскими религиозными практиками, перерос в политические и медийные дискуссии об исламе и мусульманах в некоторых странах Евросоюза: запрет хиджаба в школах (принят во Франции и в Бельгии); вопрос халяльного меню (Германия, Испания, Франция или Бельгия); запрет полного покрытия лица (никаб) в общественных местах; вопрос об умерщвлении животных или даже постоянные споры по поводу проектов строительства мечетей являются одними из множества подобных случаев. Их повторение и освещение в СМИ, а также задействованные стороны иллюстрируют усиливающуюся политизацию ислама в Европе. С 2015 года эта тенденция окрепла в связи с волной терактов джихадистского толка на европейской территории и так называемым миграционным кризисом. Атаки, совершенные в Европе в последние годы, неизбежно вызвали ряд политических реакций, мер и дискуссий, прямо или косвенно связанных с исламом. Многие политики интерпретировали эти теракты как явное доказательство “исламизации Европы” [22].

Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, отказывающиеся не только ассимилироваться, но и адаптироваться. Целыми поколениями приезжие живут на социальные пособия и не говорят на языке страны пребывания. Рост ксенофобии со стороны местного коренного населения выступает ответной реакцией на такую модель поведения. Следствием кризиса модели “национального государства”, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности, является резкое ужесточение миграционных режимов, на фоне которого со стороны европейских политиков звучат призывы о принуждении к ассимиляции [20]. Так, международная миграция оказывает существенное влияние на эволюцию социальных отношений. Решение проблемы возникновения социальных конфликтов и необходимость вовлечения институтов гражданского общества в процесс создания условий для включения мигрантов в российское общество возможно при реализации эффективной государственной политики в области социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, обозначенной в “Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года” [25], в которой отражены ключевые условия мультикультурной политики РФ, схожие с Канадой, где впервые политика мультикультурализма получила официальный статус. Основной целью данной политики является усиление взаимного принятия членами этнокультурных групп друг друга, достижение которой возможно через сохранение культуры и оказание поддержки всем этнокультурным группам. Также стоит подчеркнуть необходимость

снятия барьеров на пути к позитивному взаимодействию представителей различных этносов и их равноправному участию в общественной жизни через развитие межкультурной коммуникации, т.е. наличие общего официального языка [10, с. 94].

Однако у мультикультурализма есть и критики. Сэмюэл Хантингтон, политолог и писатель, известный своей теорией столкновения цивилизаций, описывал мультикультурализм как “в основном антизападную идеологию” [34]. Гарвардский профессор политологии Роберт Д. Патнэм обнаружил в ходе исследования, что чем более расово разнообразно сообщество, тем больше там потеря доверия. Люди из разных сообществ “не доверяют местному мэру, они не доверяют местной газете, они не доверяют другим людям и институтам. Эффект разнообразия хуже, чем можно было себе представить” [38]. Голландский профессор юриспруденции Поль Клайтер атаковал мультикультурализм в своей книге “Философия прав человека”. Он считает, что западная культура превосходит незападную и рассматривает незападные культуры не просто как разные, но и как анахронизм. Мультикультурализм, по мнению автора, является неприемлемой идеологией культурного релятивизма, которая привела бы к принятию варварских практик, в том числе тех, которые принесли в Западный мир иммигранты. П. Клайтер сравнивает мультикультурализм с моральным принятием Освенцима, Иосифа Сталина, Пол Пота и Ку-клукс-клана [32].

Таким образом, проблемы миграции в нашей стране и мире в целом, различные подходы к национальной политике в области миграционных процессов требуют комплексного научного анализа как социальной, культурной и социально-психологической адаптации иностранных граждан, так и рассмотрения интеграционного потенциала принимающего общества, в частности, тех социально-психологических факторов и условий, которые обуславливают специфику отношения к мигрантам.

АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

На сегодняшний день безопасность российского общества во многом зависит от способности его членов к социальной интеграции, как процесса включения индивидов и групп в социум через усвоение его ценностей, норм, совместную деятельность и коммуникацию [8]. Важные факторы социальной

интеграции общества лежат в сфере межнациональных отношений.

Культурное многообразие народов России в совокупности с миграционными потоками приводит к проблемам во взаимной аккультурации и адаптации мигрантов с принимающим населением [26].

Первичным звеном в интеграционном процессе мигрантов в принимающее общество выступает адаптация. Социальная адаптация представляет собой целостный процесс гармонизации отношений личности и социокультурного пространства, результатом которого является согласование потребностей индивида с требованиями социальной среды. Успешность адаптации основывается на практическом понимании экономических, политических, культурных факторов, оказывающих влияние на взаимоотношение мигрантов с принимающим обществом, а также на учете психологических характеристик представителей принимающего населения и групп мигрантов [15]. В итоге это приводит к сохранению элементов национальной принадлежности мигрантов и принятию норм и правил социального взаимодействия принимающего сообщества [12].

Опираясь на результаты исследования, проведенного А.Л. Маршаком, С.В. Гузениной, следует подчеркнуть, что иммигранты склонны перекладывать ответственность по их социально-культурной адаптации на государство. Это происходит в связи с несовершенством миграционной политики на фоне равнодушия к российской культуре со стороны мигрантов, выступающего значимым фактором, препятствующим реальной социокультурной адаптации иммигрантов [17].

Как пишет в своей работе В.Ю. Леденева: “На место социальной адаптации приходит социальная интеграция, под которой понимается процесс взаимодействия мигрантов, испытывающих чувство принадлежности к новому обществу на основании разделяемых норм, ценностей и правил поведения, с принимающим населением” [12, с. 719].

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития интеграционного потенциала принимающего общества, под которым следует понимать совокупность имеющихся в конкретном социуме ресурсов и условий, направленных на взаимодействие мигрантов и представителей принимающего населения, способствующих процессу адаптации мигрантов, в результате которого на основе общих целей и интересов происходит установление оптимальных связей между ними и социальными группами, необходимых для формирования общества как системной целостности.

Социальная интеграция тесно связана с процессом аккультурации, как взаимного приспособления представителей этнических групп, сопровождающегося изменениями элементов культур взаимодействующих групп [16].

Одна из наиболее популярных моделей аккультурации, особенностью которой является рассмотрение процесса аккультурации на групповом (культурном) и индивидуальном (психологическом) уровнях, была предложена Дж. Берри. Согласно представлениям З.Х. Лепшиковой, на групповом уровне необходимо рассмотрение особенностей вступающих во взаимодействие культур, их изменений, происходящих в результате контакта в обеих группах, а также появляющихся в процессе аккультурации, этнокультурных групп. На индивидуальном уровне следует анализировать происходящие с участниками процесса аккультурации, психологические изменения и адаптацию к непривычным ситуациям социального взаимодействия [15].

В модели Дж. Берри рассматривается унаследованная и новая культурная идентичность как независимые переменные (измерения). Первое измерение показывает, в какой степени мигранты предпочитают сохранять свою родную культуру и этнокультурную идентичность. Второе измерение направлено на понимание того, насколько желательным для мигрантов является взаимодействие с членами принимающего общества. Сочетание этих измерений лежит в основе предложенных Дж. Берри четырех аккультурационных стратегий, выбираемых мигрантами: “интеграция”, “ассимиляция”, “сепарация” и “маргинализация” [29].

При этом не только аккультурационные установки мигрантов играют существенную роль в процессе эффективной адаптации, но и аккультурационные ожидания со стороны принимающего населения [29], ответной реакцией на которые выступает выбор мигрантами их аккультурационной стратегии [28; 35].

Стоит подчеркнуть, что именно принимающее население в большей степени вовлечено в социальную и политическую жизнь страны и что его ожидания от культурной адаптации оказывают наибольшее влияние на характер межкультурного взаимодействия в этой стране или регионе [31].

Дж. Берри предложены аналогичные стратегии и для аккультурационных ожиданий представителей доминирующего общества. Если представители принимающего населения готовы принять, что мигранты могут сохранять свою культуру и в то же время быть интегрированными в жизнь принимающего общества, то стратегия интеграции становится ожиданием аккультурации в направлении мультикультурализма. Когда представители доминирующего общества считают, что мигранты должны всегда

искать контакт с принимающим населением и ассимилировать его культуру, а не сохранять свою этническую идентичность, то этот процесс связан с выбором аккультурационного ожидания “плавильного котла”. Если принимающая группа ожидает от группы мигрантов стремления поддерживать только свою культуру и избегать контактов с представителями доминирующей группы, то такой тип взаимодействия соответствует аккультурационному ожиданию “сегрегации”. В условиях, когда представители принимающей группы не хотят, чтобы мигранты вообще присутствовали в их жизни, это находит свое выражение в аккультурационном ожидании “исключения” [16].

По мнению социолога В.Ю. Леденевой, в российской миграционной политике целесообразнее использовать дифференцированный подход к выбору моделей интеграции мигрантов. Если ожидается большой приток высококультурных иммигрантов, предпочтительнее использовать мультикультурную интеграционную модель, если ожидать волну мигрантов с более низкой культурой, то лучше прибегнуть к более жесткой интеграционной модели — селективной [12]. Подход мультикультурализма качественно отличается от стратегии “плавильного котла”, предполагающего ассимиляцию мигрантов в принимающем обществе, результатом которой становится общая культурная и национальная идентичность [20].

С точки зрения адаптации стратегия интеграции психологически является самой затратной [39]. Рассматривая связь интеграции с адаптацией необходимо учитывать контекст национальных государств, стран-конгломератов, новых независимых государств и т.п., в котором она исследуется.

Дж. Берри утверждает, что интеграция может быть достигнута только в мультикультурном обществе, характеризующемся позитивным отношением к разнообразию и принятием политики, поддерживающей сохранение культуры и равное участие всех этнокультурных групп в жизни общества [14].

Характерной особенностью российского мультикультурализма является то, что он имеет историческую составляющую, а также политическую и демографическую основу. Поскольку Россия изначально формировалась как многонациональное государство в силу своей истории и государственной политики [20], можно говорить о том, что государственные власти уделяли систематическое внимание взаимодействию различных культурных групп в стране, учитывая необходимость принятия мер по уважению культурного разнообразия и их прав [9].

Анализируя подходы к процессу аккультурации, стоит уделить особое внимание межкультурному

взаимодействию, представленному в модели интерактивной аккультурации Р. Борхиса [31].

С помощью данной модели возможно рассмотрение динамики отношений между аккультурационными ориентациями мигрантов и принимающего общества. В зависимости от желания сохранить свою этнокультурную уникальность или перенять культуру принимающего общества, мигранты могут принять одну из аккультурационных ориентаций, соответствующих модели Дж. Берри. Согласно аккультурационной ориентации индивидуализма, человек стремится к рассмотрению себя и других через призму индивидуальных ценностей, а не через принадлежность к группе. Стоит обратить внимание на то, что в представленной модели второе измерение становится культурным, а не социальным, и может раскрываться с точки зрения принятия культуры доминирующего общества, а не через желание контактировать, как в модели Дж. Берри [14].

Социокультурная адаптация мигрантов является одной из наиболее сложных проблем для рассмотрения. Успешность адаптации мигрантов в новой среде может быть признана в зависимости от того, как себя будут чувствовать мигранты в принимающем обществе. Важным показателем адаптированности мигрантов служит их психологическое благополучие. В случае когда у мигрантов возникает повышенный уровень депрессии или тревожности, это говорит о том, что они не смогли адаптироваться к новым условиям жизни, и в результате это может привести к маргинализации населения регионов, которую нельзя допустить. Стрессовое воздействие культуры принимающей страны на личность мигранта обычно обусловлено психическим потрясением, которое К. Оберг обозначил термином “культурный шок”.

Прежде всего, “культурный шок” связан с психологической нагрузкой на личность в процессе ее адаптации к новой жизни в принимающем обществе. Очевидные культурные различия усиливают чувство отверженности, неудачи в ролевых ожиданиях и самоидентификации, что усиливает тревогу и приводит к неспособности мигрантов к интеграции в новой для них среде [3].

Россия, являясь многонациональной страной, сохраняет свою самобытность через укрепление гражданской идентичности, основой для которой выступает сохранение присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию, русской культурной доминанты [25]. По мнению Л.М. Дробизевой, при анализе феномена интеграции важно не ограничиваться взаимодействием принимающего общества и мигрантов, а стремиться к освоению гражданских ценностей и норм поведения у представителей

различных национальностей, формировать ощущение целостности и солидарности [6].

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ И МЕЖГРУППОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ

Для более полного понимания процесса адаптации необходимо изучение особенностей принимающей среды и доминирующей этногруппы для определения успешности взаимодействия представителей разных этнических групп и оценки стратегий, выбираемых ими в ходе взаимодействия [15].

Особого внимания в межкультурных контактах требует исследование психологической природы межэтнического взаимодействия, где на первый план выходит проблема формирования взаимных установок различных этнических групп по отношению друг к другу.

Представления о своей группе (“Мы-образ”) и самоидентификация с ней, формируемые на основе автостереотипов через соотнесение с гетеростереотипами (представления “о други”), выступают значимыми компонентами этнической идентичности. Весь этот набор, как правило, находится на групповом уровне самосознания [27].

Создатели теории социальной категоризации и идентичности А. Тэшфел и Д. Тернер утверждают, что внутригрупповой фаворитизм, т.е. приписывание положительных качеств ингруппе и стремление извлечь из этого выгоду при одновременном негативном восприятии членов аутгрупп, является одним из последствий механизма социальной категоризации. Предпочтительное отношение к своей группе может ослабевать в случаях, если членство в социальной группе становится “межгрупповым”, например, когда члены группы по одному признаку относятся к разным группам, например, по этнической принадлежности, но к одной и той же группе по другому признаку (например, религии). Кроме того, ингрупповой фаворитизм уменьшается, если члены различных групп формируют общую идентичность. Еще один способ снизить внутригрупповые предпочтения предполагает применение “безоценочной” дифференциации, т.е. выполнение особенных, но одинаково ценных ролей представителями разных групп.

Стоит подчеркнуть, что представители коллективистских культур, в отличие от индивидуалистических, в своей ингруппе больше ценят внутригрупповое сходство, чем разнообразие. Так, социальная категоризация способствует доминированию социальных идентичностей над личностными.

Отсутствие этнических предрассудков, существенно влияющее на интенсивность контактов между представителями принимающего населения и мигрантами, выступает одной из характеристик интеграционного потенциала принимающего общества [1]. При этом важное значение в процессе адаптации имеют и личностные характеристики участников взаимодействия, в частности, необходимо рассмотрение категории “личностный потенциал”, под которым понимается сложный механизм, позволяющий личности приспосабливаться к изменяющимся условиям, опираясь на свой собственный опыт, самопонимание и способность к саморегуляции с сохранением смысловых ориентаций и базовых структур при изменении целей и программ своей деятельности и самореализации. Так, Д.А. Леонтьев определяет личностный потенциал как центральную черту личности, отражающую ее зрелость, и выделяет самоопределение как ключевой аспект личностного потенциала [13]. Личностный потенциал представляет собой способность мигрантов преодолевать внешние факторы и развиваться как личность, а также определяет уровень усилий, направленных на изменение мигрантом условий окружающей среды. Развитие жизнеспособности и самоэффективности может существенно усилить личностный адаптационный потенциал, создавая более устойчивую и успешную индивидуальность [13].

Для анализа взаимодействия между группами особенно важны такие межгрупповые установки, как этноцентризм и мультикультурализм. Под термином “этноцентризм”, введенным в 1906 г. У. Самнером, понимается восприятие и толкование действий других через фильтр своей культуры. Люди склонны оценивать другие группы, исходя из норм своей группы, ставя их во главу угла при интерпретации действий представителей нижестоящих групп. Критерии, по которым происходит оценка других групп и формирование ожиданий от них, определяются принадлежностью к своей группе (ингруппе). Наиболее позитивно оцениваются члены внешних групп (аутгрупп), чье поведение соответствует нормам собственной группы [1].

В международном исследовании студенческих ценностей, проведенном М. Бондом, были выявлены два универсальных измерения ценностей: социальная интеграция, включающая ценности открытости и толерантности без конкуренции; культурная уникальность, включающая уважение традиций и веру в культурное превосходство. М. Бонд предположил, что насилие против меньшинств будет более распространено в обществах, придерживающихся ценностей культурной уникальности, а поддержка прав человека в таких обществах будет слабее [30].

Однако можно ценить собственную культурную принадлежность, не отрицая ценности принадлежности к другой культуре. Поведение доминирующей культурной группы играет важную роль в мультикультурных обществах, поскольку оно влияет на контекст межкультурных отношений и политику государства. В мультикультурных обществах межличностное взаимодействие происходит в рамках социального контекста, который определяется продолжительностью и частотой контактов, степенью близости взаимодействующих, статусом и численностью групп.

На психологическом уровне политика “активного мультикультурализма” основывается на двух ключевых принципах: сохранении этнической идентичности и чувстве безопасности в мультикультурной среде [36]. Примечательно, что представители высокостатусных групп, чувствуя себя уверенно при сохранении собственной культуры, позитивно относятся к сохранению культуры всех групп. В то же время представители меньшинства чувствуют себя небезопасно и менее уверенно. Когда высокостатусные группы задают стандарты социальной иерархии, низкостатусные группы испытывают трудности с сохранением своей культурной индивидуальности и чувством безопасности, что может привести к межэтнической напряженности даже в условиях “активного мультикультурализма” [37].

Социальное доминирование оказывает значительное влияние на межгрупповые контакты, повышая значимость социальной идентичности для представителей меньшинств. Этнические меньшинства более подвержены влиянию групповых норм и стереотипов в отношении других групп в то время, как представители большинства больше ориентируются на личные нормы, ценности и установки в межкультурном взаимодействии [40].

Значимым фактором, определяющим интеграционный потенциал принимающего общества, является уровень идентификации его представителей со своей этнической и конфессиональной общностями [1; 6; 21].

Чувство стабильности и безопасности группы формируется на основе позитивной этнической идентичности. В условиях межкультурного взаимодействия этническая идентичность является важнейшим фактором групповой сплоченности и обеспечивает индивидам стабильное положение в системе межэтнических отношений.

Этническая идентичность понимается как групповое восприятие, которое в большей или меньшей степени разделяется членами этнической группы, и формируется в процессе взаимодействия одной этнической группы с другими [21]. Данные представления

связаны с осознанием общности традиций, истории, культуры, территории, выстраиваемой системой контактов в различных ситуациях взаимодействия.

Под воздействием различных социально-психологических факторов этническая идентичность может отличаться определенной динамичностью. Однако значительное увеличение этнического компонента в структуре идентичности может привести к гиперболизации этничности, а результатом трансформации этнической идентичности может стать этническая индифферентность.

В силу крайне позитивной и крайне негативной этнической идентичности между различными этническими группами в межэтническом взаимодействии могут быть выбраны неадекватные поведенческие стратегии, что будет оказывать негативное влияние на характер межэтнических отношений. Позитивная этническая идентичность выступает основой этнической толерантности [21].

Также одним из главных факторов взаимного принятия и адаптации, повышения толерантности к другим является чувство безопасности [11]. Воспринимаемая этнической общностью безопасность связана с угрозой групповой идентичности ее членов, т.е. восприятием настоящего и будущего статуса группы в обществе [10].

Зарубежные исследователи У. Стефан и К. Стефан наиболее полно раскрыли феномен воспринимаемой безопасности в рамках “теории интегральной воспринимаемой угрозы” [41]. Согласно данной теории, существуют следующие типы угроз, играющих значимую роль в образовании предрассудков: символическая, реальная угроза, межгрупповая тревожность и негативные стереотипы.

Символическая угроза предполагает восприятие групповых различий в ценностях, нормах, установках. Чем сильнее обычаи, традиции, ценности членов интруппы блокируются со стороны других групп, тем более негативны внутригрупповые установки по отношению к аутгруппам.

Восприятие реальной угрозы со стороны аутгрупп предполагает угрозу экономической и политической системе интрупп, а также угрозу физическому или материальному благополучию представителей интрупп. Так, представители “благополучных” групп, в отличие от менее “благополучных” социальных групп, не воспринимают мигрантов в качестве конкурентов, т.к. не представляют себя на низко оплачиваемых рабочих местах, которые обычно занимают мигранты. Восприятие угрозы, независимо от того, насколько она реальна, может приводить к формированию предубеждений.

Межгрупповая тревожность предполагает, что люди испытывают субъективное чувство незащищенности при межгрупповом взаимодействии в силу того, что опасаются негативных последствий для себя.

Сущность угрозы негативных стереотипов заключается в страхе перед отрицательными последствиями, созданными ими. Стереотипы в значительной мере отражают степень воспринимаемой угрозы со стороны внешних групп и регулируют поведение при взаимодействии с членами аутгрупп.

Таким образом, для возникновения интолерантных установок не обязательно наличие реальной угрозы со стороны членов аутгрупп. На формирование негативного отношения к представителям аутгрупп могут влиять как различные субъективные факторы: качество знаний и восприятие членов внешних групп, групповая идентичность, соотношение статусов своей группы и аутгруппы и др. [10], так и объективные, например, образование. Более образованные люди придают большее значение культурному разнообразию, им не свойственен расизм, они с большей вероятностью верят, что иммиграция приносит пользу экономике принимающей страны в целом [33].

При реализации системного подхода к рассмотрению проблемы интеграционного потенциала важна оценка опыта взаимодействия с мигрантами в своей социокультурной среде представителями принимающего общества.

Согласно исследованию Е.М. Арутюновой и Е.М. Кузнецова, этнический негативизм, прежде всего, связан с уровнем претензий к поведению мигрантов в принимающей среде, но не с их этнической или конфессиональной принадлежностью [1].

В результате проведенного А.Н. Татарко исследования отношения русских жителей Москвы к инокультурным мигрантам было выявлено, что на сознательном уровне принимающее население г. Москвы демонстрирует позитивные установки по отношению к мигрантам и готовность к межкультурному взаимодействию. Однако на эмоциональном уровне представители принимающего населения испытывают повышенную тревожность за физическую и экономическую безопасность при притоке инокультурных мигрантов.

При этом москвичи с высоким уровнем интегральной безопасности и низким уровнем воспринимаемой угрозы в большей степени проявляют толерантность по отношению к мигрантам и готовы поддерживать мультикультурную идеологию [24].

Однако изменения в социокультурном составе общества, вызванные миграционными процессами, могут восприниматься как угроза устоявшимся нормам, ценностям и идентичности принимающего

населения согласно теории культурной угрозы (М. Дуглас, А. Вилдавски). Миграция приводит к увеличению культурного разнообразия, что может вызвать опасения у части местного населения относительно сохранения собственной культурной идентичности и образа жизни. Особенно это характерно для России, населению которой свойственна “православная культура”. Статистическая связь с антииммигрантскими настроениями зависит от происхождения иммигрантов и определяется не только субъективной религиозностью респондента, но и его принадлежностью к определенной конфессии, а также взаимодействием этих факторов. Среди всех крупных христианских деноминаций (католицизм, протестантство, православие) именно у православных выявлены антииммигрантские взгляды [19].

Причины трудностей в установлении конструктивного взаимодействия между принимающим населением и мигрантами скрыты в наличии значительной социокультурной дистанции между ними. В связи с большим притоком мигрантов коренные жители боятся быть вытесненными из своих традиционных экономических ниш, что приведет к снижению уровня жизни. Также на отношение к мигрантам со стороны принимающего общества влияет потеря чувства культурной безопасности, как ощущение угрозы утраты своих традиций, культурных ценностей, морали, языка в связи с притоком “чужих”. Межкультурные различия, в том числе в уровне образования и религии, часто объясняют рост уровня преступности и социальной нестабильности [11].

Таким образом, укрепление отношений между принимающим обществом и мигрантами возможно через повышение у принимающего населения базового чувства безопасности, снижение мигрантофобии и развитие мультикультурной идеологии.

Учитывая, что интеграция мигрантов в принимающее сообщество представляет собой взаимонаправленный процесс, основанный на целостности и стабильности социокультурной системы, принимающее общество ожидает со стороны мигрантов “шагов навстречу” в сохранении исторической и социально-культурной идентичности общества, направленного на традиционные ценности. Реализация данных ожиданий ослабляет этнический негативизм, способствуя переходу мигрантов из категории “чужих” в категорию “своих”.

На основе изучения факторов принимающей среды, определяющих ее интеграционный потенциал, возможно прогнозирование особенностей взаимодействия представителей различных этнических групп с принимающим обществом.

Для социальной адаптации наибольшую значимость имеют:

- аккультурационные стратегии мигрантов и аккультурационные ожидания доминирующего общества. Исходя из модели Дж. Берри, выбор стратегии интеграции эффективен, когда доминирующая группа открыта для культурного взаимодействия с недоминирующими группами, что означает, необходимость признания и принятия права людей, имеющих разное этнокультурное происхождение, на равное положение в социуме. В поликультурном обществе интеграция приводит к принятию меньшинствами основных ценностей доминирующей группы, которая, в свою очередь, должна быть готова к изменениям в деятельности государственных организаций, отвечающим потребностям всех малых групп;

- психологическое благополучие мигрантов, формируемое через усиление личностного адаптационного потенциала и снижение психологического напряжения, вызванного стрессом аккультурации.

Факторами, определяющими интеграционный потенциал принимающего общества и формирование его отношения к мигрантам, выступают:

- отсутствие этнических предрассудков, формирование положительных взаимных установок различных этнических групп по отношению друг к другу;

- реализация стратегии мультикультурализма, характеризующейся позитивным восприятием разнообразия и принятием политики, направленной на поддержание сохранения культуры и равноправное участие всех этнокультурных групп в жизни общества;

- позитивная этническая идентичность представителей принимающего общества, выступающая основой этнической толерантности;

- базовое чувство безопасности, основанное на социально-экономическом благополучии, получении положительного опыта взаимодействия с представителями аутгрупп, способствующего снижению межгрупповой тревожности (интегральная безопасность принимающего общества благоприятно сказывается на его взаимодействии с мигрантами, способствуя принятию и интеграции мигрантов в свою среду) [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграционный процесс в сфере межэтнических отношений, направленный на формирование общества как системной целостности, включает в себя совокупность факторов, обеспечивающих взаимодействие мигрантов и представителей принимающего общества.

Первичным звеном в интеграционном процессе мигрантов в принимающее население выступает их психологическая адаптация, включающая в себя осознание изменений в окружающей среде, рефлексию над собственным опытом в новом контексте, саморегуляцию адаптационного потенциала, изменение взаимодействия с окружающей средой, акцент на изменение восприятия себя.

Более глубокое понимание индивидом различных культур формирует культуру межнационального общения, предотвращающую конфликты и столкновения и развивающую взаимообогащение национальных культур.

Таким образом, в России необходима разработка универсальной политики социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, основанной на мультикультурализме и российской самобытности, где подчеркивается приоритет прав личности, независимо от статуса мигранта или представителя принимающего общества. Наиболее значимую роль играет сохранение ценностных и духовных приоритетов традиционной культуры принимающего сообщества через проведение мероприятий, связанных с обязательным изучением мигрантами русского языка и российских культурных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М. Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива // Мир России. 2021. Т. 30. № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25.
2. Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами: монография. Самара: Изд-во “Бахран-М”, 2015. 160 с.
3. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. Москва. 2019. Т. 7. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211.
4. Демографический прогноз РФ до конца 2045 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (дата обращения: 06.04.2024).
5. Дмитриева Т.Н. Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества: дисс ... канд. полит. наук. Москва, 2019. 167 с.
6. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
7. Каница Л.М. Миграционный цунами в Европейском союзе. Портал МГИМО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/migratsionnyy-tsunami-v-nbspevropeyskom-soyuze/> (дата обращения: 03.04.2024)
8. Константинова Л.В. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 19–29.
9. Котова М.В. Социально-психологические факторы принятия политики мультикультурализма в России: аналитический обзор // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 91–100.
10. Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: в кн. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей. М.: РУДН, 2009. С. 10–62.
11. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.
12. Леденева В.Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и общество. 2015. № 6(126). С. 717–728.
13. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
14. Лепишкова З.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. 2. С. 55–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130205>
15. Лепишкова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа): монография. М.: Грифон, 2012. 192 с.
16. Лепишкова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Бери // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 125–146.
17. Маршак А.Л., Гузенина С.В. Социокультурные практики адаптации иммигрантов: к вопросу об интеграционном потенциале принимающего общества // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 139–153. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6807.
18. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2024_Site.xlsx (дата обращения: 06.04.2024)
19. Парвадов С.О. Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 78–95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439>

20. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 04.04.2024)
21. Солдатова Г.У. Психология межнациональных отношений. М.: Смысл. 1998. 389 с.
22. Сомова И.Ю. Культурно-религиозная адаптация и интеграция мигрантов — мусульман в Европейском союзе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19KLSK122.pdf>
23. Социально-экономическое положение России в январе-феврале 2024 г. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2024.pdf> (дата обращения: 06.04.2024)
24. Татарко А.Н. Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам: в кн. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей. М.: РУДН, 2009. С. 140–164.
25. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 “О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года” [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 01.04.2024)
26. Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А. Опосредующая роль этнического образа в межнациональных отношениях // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 40–57.
27. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник СГТУ. 2014. № 3(76). С. 207–211.
28. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. V. 46(1). P. 5–68.
29. Berry J.W. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah / Eds. J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder. NY.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.
30. Bond M. Chinese values and health: A cross-cultural examination // Psychology and health. 1991. № 5. P. 137–152.
31. Bourhis R.Y., Monse L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // International Journal of Psychology. 1997. V. 32(6). P. 369–386.
32. Cliteur P.B. De filosofie van mensenrechten. Nijmegen, 1999.
33. Hainmueller J., Hiscox M.J. Educated Preferences: Explaining Attitudes Toward Immigration in Europe // International Organization. 2007. № 61(2). P. 399–442. doi:10.1017/S0020818307070142
34. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY.: Simon & Schuster, 1996
35. Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P. Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants // International Journal of Intercultural Relations. 2007. V. 31. P. 67–86.
36. Moghaddam F. Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process // International Journal of Intercultural Relations. 1993. V. 28. P. 727–741.
37. Moghaddam F., Taylor D. The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women // Canadian Journal of Behavioral Science. 1987. V. 19. P. 121–136.
38. Putnam R.D. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. № 30(2). P. 137–174. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x>
39. Rudmin F.W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // Review of General Psychology. 2003. V. 7. P. 3–37.
40. Sagiv L., Schwartz S. Value priorities and readiness for out-group social contact // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. V. 69. P. 437–448.
41. Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated Threat Theory of Prejudice // Reducing prejudice and discrimination / Ed. S. Oscanp. Lawrence Erlbaum associates. Mahwah. New Jersey, 2000. P. 23–44.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE INTEGRATION POTENTIAL OF THE HOST SOCIETY AND ITS ATTITUDE TO MIGRANTS²

V. V. Konstantinov^{1,*}, Yu. S. Buzykina^{1,**}, R. V. Osin^{1,***}, N. N. Khashchenko^{2,****}

¹*Penza State University;*

440026, Penza, Krasnaya str., 40, Russia.

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;*

129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.

**Sc.D. (psychology), Professor, Head of the Department of General Psychology.*

E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

***PhD (psychology), Associate Professor of the Department of Applied Psychology.*

E-mail: ylamart@yandex.ru

****PhD (psychology), Associate Professor of the Department General Psychology.*

E-mail: osin@pnzgu.ru

*****PhD (psychology), researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology.*

E-mail: nadin-khash@yandex.ru

Received 27.07.2024

Abstract. The purpose of the work is a theoretical analysis of the problem of socio-psychological factors of the integration potential of the host society and its attitude towards migrants. Currently, large-scale migration processes are taking place in society, which have a significant impact on various spheres of social relations. The process of creating conditions for the inclusion of migrants in Russian society is possible based on the analysis of socio-psychological factors of its integration potential. The concept of the “integration potential of the host society” is clarified as a set of resources and conditions available in a particular society aimed at the interaction of migrants and representatives of the host population, contributing to the process of adaptation of migrants, as a result of which, based on common goals and interests, optimal connections are established between them and social groups necessary for the formation of society as a systemic integrity. The factors of the integration potential of the host society are identified, including acculturation expectations, a basic sense of security, positive ethnic identity, ethnic tolerance, and the implementation of a multiculturalism strategy.

Keywords: integration potential, migrants, host society, social adaptation, social integration, acculturation, acculturation expectations, personal potential, ethnic identity, sense of security.

REFERENCES

1. Arutjunova E.M., Kuznecov I.M. Integracionnyj potencial prinyimajushhego obshhestva: sravnitel'naja regional'naja perspektiva. Mir Rossii. 2021. V. 30. № 2. P. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25. (In Russian)
2. Voloh V.A. Novaja Rossija: politika i upravlenie migracionnyimi processami: monografija. Samara: Izd-vo “Bahrn-M”, 2015. 160 p. (In Russian)
3. Gerasimova I.V. Processy adaptacii i integracii migrantov kak komponenty obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Nauka. Obshhestvo. Oborona. Moscow. 2019. V. 7. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211. (In Russian)
4. Demograficheskij prognoz RF do konca 2045 goda. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (date of request: 06.04.2024). (In Russian)
5. Dmitrieva T.N. Realizacija politiki adaptacii i integracii migrantov v Rossijskoj Federacii kak faktor razvitiya institutov grazhdanskogo obshhestva: diss ... PhD (political). Moscow, 2019. 167 p. (In Russian)
6. Drobizheva L.M. Grazhdanskaja identichnost' kak uslovie oslablenija jetnicheskogo negativizma. Mir Rossii. 2017. V. 26. № 1. P. 7–31. (In Russian)
7. Kapica L.M. Migracionnyj cunami v Evropejskom sojuze. Portal MGIMO. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/migratsionnyj-tsunami-v-nbspevropejskom-sojuze/> (date of request: 03.04.2024) (In Russian)
8. Konstantinova L.V. Integracionnyj potencial obshhestva: opyt konceptualizacii. Sociologicheskie issledovanija. 2019. № 8. P. 19–29. (In Russian)
9. Kotova M.V. Social'no-psihologicheskie faktory prinjatija politiki mul'tikul'turalizma v Rossii: analiticheskij obzor. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2017. V. 13. № 4. P. 91–100. (In Russian)
10. Lebedeva N.M. Teoreticheskie podhody k issledovaniju vzaimnyh ustanovok i strategij mezhkul'turnogo vzaimodejstvija migrantov i naselenija Rossii: v kn. Strategii

²The article was supported by the Russian Science Foundation as part of the scientific project № 24-28-01367 “Integration of migrants into the host community: mechanisms, factors and conditions”, <https://rscf.ru/project/24-28-01367/>

- mezhekul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii: sb. nauchnykh statej. Moscow: RUDN, 2009. P. 10–62. (In Russian)
11. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri J.* Social'no-psihologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhekul'turnom vzaimodejstvii v rossijskom kontekste. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2016. V. 37. № 2. P. 92–104. (In Russian)
 12. *Ledeneva V.Ju.* Formy i modeli social'noj adaptacii i integracii migrantov. *Politika i obshchestvo*. 2015. № 6 (126). P. 717–728. (In Russian)
 13. Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika. Eds. D.A. Leont'eva. Moscow: Smysl, 2011. 680 p. (In Russian)
 14. *Lepshokova Z.H.* Vzaimnaja akkul'turacija migrantov i prinimajushhego naselenija: modeli, metodiki, ključevye issledovaniya i vyzovy. Social'naja psihologija i obshchestvo. 2022. V. 13. № 2. C. 55–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130205> (In Russian)
 15. *Lepshokova Z.H.* Strategii adaptacii migrantov i ih psihologicheskoe blagopoluchie (na primere Moskvy i Severnogo Kavkaza): monografija. Moscow: Grifon, 2012. 192 p. (In Russian)
 16. *Lepshokova Z.H., Tatarko A.N.* Adaptacija i modifikacija metodiki akkul'turacionnykh ozhidaniy John Berry. Social'naja psihologija i obshchestvo. 2017. V. 8. № 3. P. 125–146. (In Russian)
 17. *Marshak A.L., Guzenina S.V.* Sociokul'turnye praktiki adaptacii immigrantov: k voprosu ob integracionnom potenciale prinimajushhego obshchestva. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019. № 4. P. 139–153. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6807. (In Russian)
 18. Ocenka chislennosti postojannogo naselenija na 1 janvarja 2024 g. i v srednem za 2023 g. i komponenty ee izmenenija. Oficial'nyj sajt Rosstat. [Electronic resource]. Access mode: URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ok-Popul_Comp2024_Site.xlsx (date of request: 06.04.2024) (In Russian)
 19. *Parvadov S.O.* Svjaz' sub'ektivnoj religioznosti s antiimmigrantskimi ustanovkami v Evrope: analiz na osnove dannyx Evropejskogo social'nogo issledovanija (ESS). Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2024. № 2. P. 78–95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439> (In Russian)
 20. *Putin V.V.* Rossiya: nacional'nyj vopros. Nezavisimaja gazeta. 23.01.2012 [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (date of request: 04.04.2024) (In Russian)
 21. *Soldatova G.U.* Psihologija mezhetnicheskoj naprjazhennosti. Moscow: Smysl. 1998. 389 p. (In Russian)
 22. *Somova I.Ju.* Kul'turno-religioznaja adaptacija i integracija migrantov — musul'man v Evropejskom sojuze. *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija*. 2022. V. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19KLSK122.pdf> (In Russian)
 23. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii v janvare-fevrale 2024 g. Oficial'nyj sajt Rosstat. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2024.pdf> (date of request: 06.04.2024) (In Russian)
 24. *Tatarko A.N.* Rol' vosprinimaemoj ugrozy v otnoshenii moskvicej k migrantam: v kn. Strategii mezhekul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naselenija Rossii: sb. nauchnykh statej. Moscow: RUDN, 2009. P. 140–164. (In Russian)
 25. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 “O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda” [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (date of request: 01.04.2024) (In Russian)
 26. *Hotinec V.Ju., Molchanova E.A.* Oposredujushhaja rol' jetnicheskogo obraza v mezhetnicheskikh otnoshenijah. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. V. 35. № 3. P. 40–57. (In Russian)
 27. *Shergalieva M.T.* Jetnicheskaja identichnost' kak vid social'noj identichnosti. *Vestnik SGTU*. 2014. № 3(76). P. 207–211. (In Russian)
 28. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997. V. 46(1). P. 5–68.
 29. *Berry J.W.* Contexts of Acculturation. Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah. Eds. J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.
 30. *Bond M.* Chinese values and health: A cross-cultural examination. *Psychology and health*. 1991. № 5. P. 137–152.
 31. *Bourhis R.Y., Monse L.C., Perreault S., Senecal S.* Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*. 1997. V. 32(6). P. 369–386.
 32. *Cliteur P.B.* De filosofie van mensenrechten. Nijmegen, 1999.
 33. *Hainmueller J., Hiscox M.J.* Educated Preferences: Explaining Attitudes Toward Immigration in Europe. *International Organization*. 2007. № 61(2). P. 399–442. doi:10.1017/S0020818307070142
 34. *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996
 35. *Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P.* Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. V. 31. P. 67–86.
 36. *Moghaddam F.* Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process. *International Journal of Intercultural Relations*. 1993. V. 28. P. 727–741.
 37. *Moghaddam F., Taylor D.* The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women. *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1987. V. 19. P. 121–136.
 38. *Putnam R.D.* E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century The 2006 Johan Skytte Prize Lecture. *Scandinavian Political Studies*. 2007. № 30(2). P. 137–174. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x>
 39. *Rudmin F.W.* Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization. *Review of General Psychology*. 2003. V. 7. P. 3–37.
 40. *Sagiv L., Schwartz S.* Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 69. P. 437–448.
 41. *Stephan W.G., Stephan C.W.* An integrated Threat Theory of Prejudice. Reducing prejudice and discrimination. Ed. S. Oskamp. Lawrence Erlbaum associates. Mahwah. New Jersey, 2000. P. 23–44.